

ИСПЫТАНИЕ

Мои отношения с мужем с каждым годом становились все сложнее. У меня начался бурный творческий рост, а у Володи с работой возникли проблемы. Отношения в семье стали портиться. Начались трения, недовольства... Это превратило мою жизнь просто в какую-то каторгу.

Несчастья ко мне приходили не скопом, но в какой-то зловещей очередности. Следом за неладами с мужем меня постигла колоссальная беда, случившаяся с моим сыном. Эта жуткая авария...

А случилось все так. В доме сложилась такая ситуация, что сын стал принадлежать сам себе. Я приезжала с гастролей, у Данилы — свой мир. Володя — муж — был загружен своими проблемами, и он перестал интересоваться, как живет сын. Все было пущено на самотек. Я рвалась домой, но не могла оставить дело, ансамбль «Русская песня» мощными темпами набирал популярность. Все шло параллельно — и радости, и беда. Сосредоточившись на успехе, я одновременно получила по «мордам». Это было ужасное испытание.

Как-то я приехала с очередных гастролей, попросила: «Данилка, давай посидим дома». Но в двенадцать часов ночи услышала, как захлопнулась входная дверь. Я выскочила в ночной рубашке следом на лестничную клетку, кричу: «Данила, Данила». А его как ветром сдуло.

После выяснилось, что его одноклассник взял у отца машину поучиться водить. Они уже не первый раз практиковали это по ночам на школьном стадионе. А тут они решили ночью объехать вокруг дома. Сели и поехали.

Я легла, но сон не шел. Я уже всем утром чувствовала: что-то произойдет, просто знала, не могу объяснить как. В двенадцать ночи он ушел, а в три сорок пять — звонок в дверь. Я открываю, на площадке — два гаишника. Я сразу спрашиваю: «Он жив? Где он?» Они удивились моим вопросам, замешкались, не зная, как мне сказать. А я сама у них спрашиваю: «Где он?»

«В Первой Градской. Вас отвезти?»

«Нет, я сама».

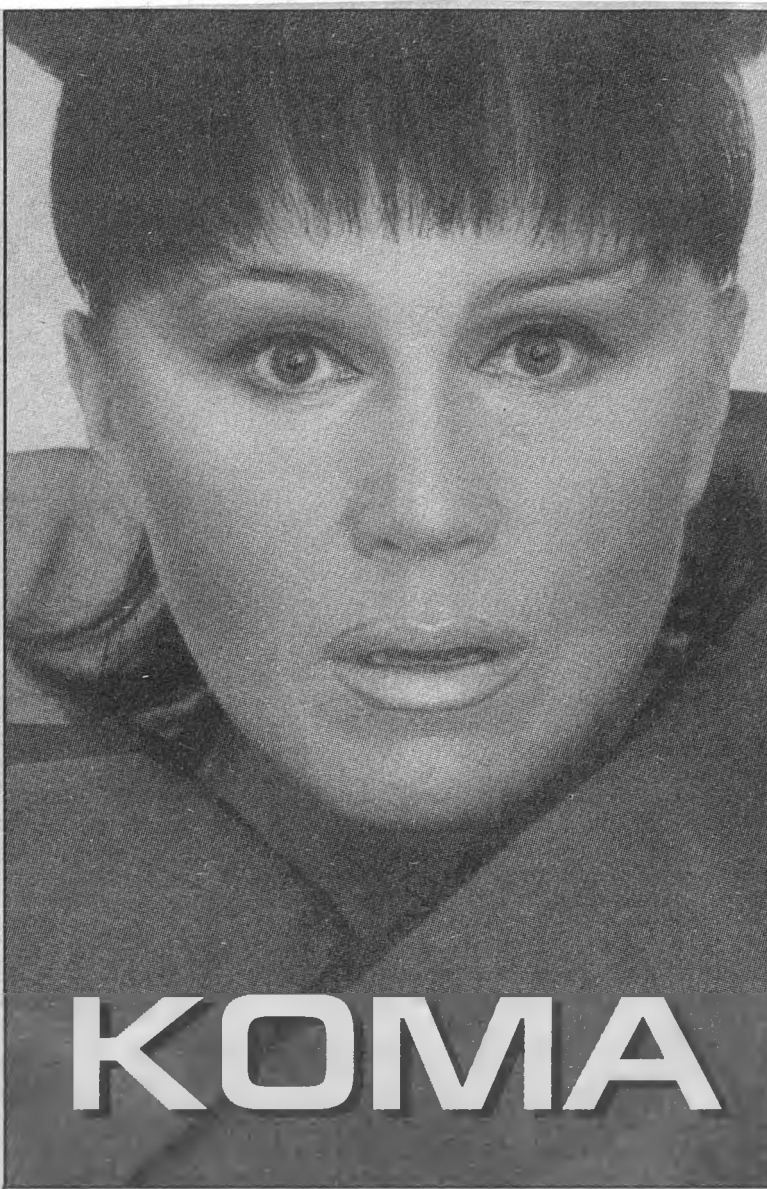
Вот тогда муж повел себя неадекватно. Ехать сейчас же в больницу он отказался: ну раз Данила найден, ночью ехать или утром для него не было разницы. Для меня он, как человек, муж, отец, кончился сразу, навсегда.

Я колготы надевала через голову. Я терялась. Потом просто упала. Потом я собралась, села сама за руль и рванула машину с места.

СКВОЗЬ СТЕНУ

Приехала в Первую Градскую и стала искать вход в больницу. Не могла отыскать дверь, передо мной были одни стены. Я, как бешеная собака, обегала всю больницу. Все вокруг серое и ни единой двери, даже намек на дверь. Это, наверное, что-то со мной происходило. Потом я остановилась у каких-то железных листов и стала тарабанить в них, чтобы создать шум. Вдруг эти листы распахнулись, они и оказались больничными воротами. Вышли два амбала. Я ни о чем не стала с ними говорить. Они для меня просто не существовали. Я прошла сквозь них, через них, не останавливаясь, — для меня не было преграды.

Увидела дверь и вошла. Передо мной был коридор, а в коридоре на бетонном полу лежит мой сын, брошенный, окровавленный, раздетый. Здесь я превратилась в пучок нервов и завопила, как иерихонская труба. Но в очередной раз я привлекла внимание — нет, уже не к себе — к вопиющей бесчеловечности. Тут же появились врачи и срочно увезли Данилу в реанимацию. Стали что-то записывать, суетиться, принимать, в общем, меры. Мне было все равно, что происходит со мной. Делали какие-то описи, записи. На Даниле, когда он ушел из дома, была кожаная куртка, которую сняли, скорее всего, санитары, смародерничали, пока везли. Мне было плевать на все это.

КОМА

Книга Надежды Бабкиной «Душа русской песни», выпущенная издательством «Центрполиграф», — трогательный, не приукрашенный рассказ о творческой судьбе и личной жизни знаменитой певицы, народной артистки России, создателя и руководителя популярного ансамбля «Русская песня».

Предлагаем вниманию наших читателей одну из глав этого повествования.

Надежда Бабкина с сыном Данилой.

ОДИН ШАНС ИЗ ТЫСЯЧИ

Я не была Надеждой Бабкиной, я была просто мать. Я была настолько сильно сосредоточенна, что для меня не существовало никаких преград. Если объяснить на физическом уровне, то я ощущала, как я полностью вошла в Данилу, стала им, а он как бы полностью растворился во мне. И когда они вывезли его из реанимационной и сказали, что его будут поднимать на шестой этаж, надо только полтора часа подождать до пересменки, но что меня туда не пустят, я заявила, что никуда не уйду, встала рядом с кроватью, взяла сына за руку. Жду, когда лифт спустится. Вдруг Данила открывает глаза и произносит: «Мама». У врачей от удивления случился шок. Ведь только-только он находился в сильнейшей коме, и никто не знал, сколько это может продлиться, чем закончится.

Он говорит: «Мама».

Я: «Сыночек, здесь я, рядом».

Его вырвало, и это означало стопроцентный выход из комы. Рядом стояла медсестра, которая прямо воскликнула: «Господи, это же из тысячи один раз такое бывает. Он вышел из комы».

Сын попросил: «Мама, забери меня отсюда. Мне так больно». И показывает на живот. А лица на нем не было — было нечто, сплошное темное пятно, огромный кровоподтек. Да не только лицо! Шла речь о трепанации черепа, у Данилы была раздроблена ступня, перелом носа, в общем, легче сказать, чего не было.

НЕ ДАТЬ СЛАБИНЫ!

Я практически жила в больнице. И буквально выцарапывала Данилу у смерти. Когда я входила в палату, где он лежал, все они были для меня одинаковы. Мыла полы, кого-то кормила. И кажется, в этот момент Данила и стал по-настоящему моим сыном. Он верил каждому моему слову.

Я понимала, что не могу позволить себе слабость. Когда я входила, для него вместе со мной входила жизнь. И я все это видела и стремилась поддерживать в нем это убеждение. Мне пришлось многое испытать. От нервного срыва, от переутомления я резко поправилась, стала весить больше ста двадцати килограммов.

...Это мое испытание длилось два года. Данила прошел реабилитацию. Я продолжала работать, но нужно было постоянно думать о Даниле, потому что все его сверстники уже куда-то устроились — кто в институт, кто на работу. А Даниле пока еще нельзя было нести нагрузку. Он очень любил лепить, конструировать дома. Любил создавать мелкие детали, ему на это хватало терпения. У нас вся квартира была тогда в пластелине.

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Чтобы потихоньку вводить в учебу, я отдала его учиться английскому языку. Когда же поняла, что он освобождается от состояния неприкаянности, отправила его учиться за границу. Просто бросила его в омут, подвергла испытанию. И надо сказать, он изменился в лучшую сторону. Когда я приезжала туда к нему, меня встречал уже юный мужчина, с совершенно другими рассуждениями, с абсолютно другими понятиями о жизни, о Боге, о своем месте под солнцем.

Сейчас он учится на юриста, живет отдельно от меня, сам себе готовит, сам стирает, сам убирает. Я приезжаю иногда с проверкой, смотрю, а у него все чисто, все прибрано. Раньше, когда мы жили вместе, постоянно гульбища — ребята ходили косками. Как мы разъехались — все, перестали. Спрашиваю: «Почему?» — «Убираться за всеми неохота». То, что сын уже сейчас ничего от меня не скрывает и во всем советуется со мной, говорит о том, что он доверяет мне и полагается на мой опыт и мой авторитет.

С сокращениями.

Заголовки даны редакцией «ВК».